ТАРЕЛКА СЕВИДА

Байки

Иван Карасёв

***

Когда другу исполняется пятьдесят, грех не напиться. На юбилее Эдика не напился, пожалуй, он один. Севид Сергеев сидел, уронив голову в тарелку. Казалось, его тут не было. Организатор празднества, он же по совместительству юбиляр, начал беспокоится: «А не придётся ли тащить Севида в свою и так не шибко просторную квартиру. Она же тут рядом. И где его там укладывать? Кроме коридора негде. И на чём? На полу!» Поэтому изобретательная натура Эдика подсказала ему иной вариант:

- Геша, - обратился он к другому участнику торжества, который в отличие от Севида, ещё мог твёрдо держаться на ногах, - ты же в город едешь (дело происходило в пригороде Петербурга)?

1 - Да, в центр, - гордо заявил Геша.

- Возьми Севида с собой, вам же рядом!

- Но мне на Восстания, а ему на Ваську, - зааартачился Геша.

- Так и что? – не унимался Эдик, всё ещё холодевший от мысли, что тело Севида будет ночью будет преграждать ему путь в туалет. – Он может у тебя пожить. Он хороший, ты увидишь. И не всегда такой пьяный!

- Но у меня уже есть кошка и собака, - растерянно пробормотал Геша и более уверенным тоном продолжил, - зачем мне Севид?

В этот момент Севид Сергеев оторвал голову от тарелки, от которой он явно набирался сил и духа, только никто об этом не подозревал, и окинув ласковым взглядом Гешу голосом Карлсона пристыдил его:

- Малыш, но я ведь лучше собаки!

Не успели присутствующие проникнуться всей глубиной мысли Севида, как он опять уронил голову в тарелку. Снова казалось, что его тут не было.

Из «Золотого фонда» Севида: «Человек не собака, в дом его не возьмёшь!»

***

Утро после дня рождения Эдика всегда получается тяжёлым. Описываемое утро исключением не стало, хорошо гулялось и пилось на съёмной даче. Даже дети не мешали. Они были заняты сами собой. Мамы их накормили и выпроводили во двор. Поэтому отцы семейств пошли вразнос. И теперь, после пробуждения, трещала голова, подрагивали руки и очень хотелось пить,

За завтраком все, даже жёны, недовольно поглядывающие на своих мужей, сидели слегка задумчивые. Разговор не клеился. Праздник закончился, через несколько часов надо садиться за руль, а так не хочется, да некоторым ещё и не можется. И лишь дети, продолжавшие свои невинные игры, и примкнувший к ним морально Севид Сергеев пребывали в прекрасном настроении.

Севид не сидел, как обычно, клонясь к тарелке. Правда утренняя тарелка была девственно чиста, и посему была готова принять лицо пьяного философа. Было видно, что шотландский виски, который он продолжал единолично употреблять, пробудил в его душе какие-то особые струны, и Севид пребывал в состоянии высокого полёта души. Он подливал себе благородный напиток, опрокидывал одну за другой рюмки, чему-то блаженно улыбался и упорно рассматривал какую-то точку на потолке. Он явно принял её за далёкую звезду, на которую ему так хотелось попасть.

Сидевшая напротив Галя, жена Геши, долго изучала благостный вид Севида, и наконец не выдержала и спросила соседа: «Кто это такой, где вы его нашли?». Получив исчерпывающий ответ она продолжила: «А как он домой доедет? Вообще где он живёт?»

Люди, имеющие дело с пьяным Севидом свою самую большую ошибку совершают, когда думают, что его с ними нет. Севид Сергеев слышит и видит всегда, даже, когда спит, уткнувшись носом в тарелку. Тем более он присутствует, когда мечтательно смотрит на далёкую звезду, вид которой настраивает Севида на лирический лад. Ведь ничто поэтическое Севиду не чуждо.

Так было и в тот раз. Севид перевёл мечтательный взгляд со звезды на Галю и проникновенным тоном произнёс: «На Васильевский остров я пойду умирать».

Из «Золотого фонда» Севида: «Найди свою звезду и можешь умирать, лучше всего на Васильевском острове».

***

Эдик очень не хотел покупать избу в забытой Богом псковской деревушке из двенадцати домов. Ездить в такую даль, за пятьсот километров, когда можно рвануть в Крым всего за две тысячи вёрст? Но жена настаивала, и Эдику пришлось уступить. Ну не ссориться же из-за такого пустяка?

И вот они проводят первое лето в деревне. Правда, не в своём доме. Его Инесса решила преобразовать в мини-палаццо хостелного типа, а это требует немало времени и средств. Эдик с Инессой сняли пустующую избу по соседству.

Эдик впервые прочувствовал, что такое отдых в деревне. Именно отдых, когда слушаешь пенье птиц, купаешься в озере, когда бродишь по бескрайним полям. Правда, порой пение птиц перекрывали душераздирающие крики какого-то существа из ближайшего леска, вода в озере цвела и покрывалась грязной плёнкой, а бескрайние поля заросли так, что через них приходилось продираться как через лес Бабы-Яги. Но Эдика это не останавливало, он наслаждался русской природой, жизнью в деревне, общением с её жителями. Несмотря на нетипичный внешний вид и говорящую для знающих людей фамилию Зайчик он ощущал себя частью этого маленького социума русской деревеньки. Однажды, испытывая прилив чувств, он позвонил своему другу Севиду Сергееву и начал живописать картины местной жизни:

- Представляешь, тут коренная Россия – Псковщина, русские поля, помнишь песню: «Поле, русское поле, светит луна или падает снег…». Так это тут, здесь особый русский дух, и люди русские, ведь мы все русские тут!

Севид, оторвав голову от очередной тарелки, чтобы выслушать патетические тирады Эдика, стал рисовать в голове картину внезапно обрусевшего лица друга. Не получалось, тогда он не выдержал и спросил:

- Все русские, говоришь. А что, у тебя там и нос выпрямился?

Из «Золотого фонда» Севида: «От жизни в деревне даже еврейский нос выпрямится».

***

Когда охотники рассказывают о своих трофеях, они обычно страдают гигантоманией, крохотные рябчики становятся похожими на орлов, красавцы тетерева по габаритам больше напоминают американских грифов, ну а обычные утки достигают таких размеров, будто всю жизнь страдали хроническим ожирением.

То же самое можно сказать о рыболовах. Известна байка про рыбака, которому связали руки, чтоб не врал, какую огромную щуку поймал. Тогда он, сцепив все пальцы в круг, показал: «Вот такой глаз!»

В этом отношении компания борцов с дикой природой, собравшихся приятным сентябрьским вечером отметить у костра добычу и улов, оказалась довольно нетипичной в своём роде. У них по мере возлияния разговор переходил от крупной к более мелкой дичи и рыбе. Начали с тетеревов и кумжы, потом перешли к рябчикам и окуням. Потом заговорили ещё о более мелких птичках и рыбках, пока, наконец, не стопорнулись на одних из самых маленьких представителях фауны – муравьях. На муравьёв они, к счастью, ещё не охотились. Не привелось. Скорее наоборот, с наступлением дневного тепла муравьи выйдут на охоту за остатками вчерашнего пиршества.

Вот то, как они их находят и заинтересовало товарищей по застолью, тем белее, что устами знатока, присутствующего в трапезничающем коллективе, было заявлено, что муравьи не видят. «Как же они находят свою добычу?» - поинтересовался один из охотников. «По локаторам», был ответ знатока. «Тогда зачем же им глаза?» - не унимался любознательный. Этот вопрос ввёл в ступор знатока. Действительно, даже ребёнок знает, что у муравья есть глаза. Это видно невооруженным глазом. Все задумались, вопрос был не из простых. В воздухе повисла тишина. И тогда Севид Сергеев, которого опять все ошибочно считали отсутствующим, отошедшим в сладкий мир Морфея, оторвал голову от тарелки и с видом человека, чётко знающего тему, внятно и членораздельно проговорил: «Как для чего им глаза? Чтобы подмигивать, конечно». Лицо Севида снова воссоединилось с походной тарелкой. Она, видимо, обеспечивала ему связь с ноосферой.

Из «Золотого фонда» Севида: «Глаза даны, чтобы подмигивать».

***

Музыка и песни являются неотъемлемой частью отдыха усталых охотников, особенно самых стойких. Слабаки давно откинулись и храпят в спальниках, сладко улыбаясь эротическим сновидениям. Но самые крепкие не могут, просто не имеют права покинуть пиршество, не спев и не сплясав под гитару.

Конечно, наш друг Севид Сергеев, воссоединив лицо с тарелкой, остался в лагере стойких, желающих продолжения банкета. Гитары, однако, ни у кого не оказалось, зато у Ильи имелся баян.

Публика попросила сбацать что-нибудь душевное, так, чтобы самые глубинные струны затронуть. Ведь выделенный на вечер запас водки уже был выпит, и требовалось что-нибудь эдакое. Душа рвалась наружу, а бренный панцирь тела её не пускал. И только Севид, временами отрывая лицо от тарелки, привычно посмеивался в свои несуществующие усы. Ему было хорошо.

И вот Илья начал наигрывать «Иду, курю». Водочно-гашишная атмосфера нэпмановского Петрограда из нашумевшего в свое время клипа как нельзя лучше гармонировала с умонастроениями стойкой части охотничьего коллектива, жадно смотревшего в сторону картонной коробки с неприкосновенным запасом жизненно необходимого продукта. Казалось, вот только одна затяжка, и «жизнь становится прекрасной и безумно хороша». Впрочем, некоторым не понадобилось и этого. Когда Илья в очередной раз пропел «Иду, курю», не выдержал ветеран охотничьих пьянок Комов. Он поднял свою мощную фигуру и сверкая лысиной в свете костра с сигаретой в зубах стал двигаться в ритм музыки, изображая танец. Правда его брутальные движения больше напоминали удары ногами и руками каратиста. Но это не помешало Илье заиграть с новой силой: «Над рекой-Невой стоит туман, над дурман-травой стоит туман. Трам-пам-парам-пам». Комов с той же сигаретой в зубах поддерживал поющего огнём и манёвром: «А я иду, курю». Илья наигрывал, Комов изгибался, при наклонах тела назад он казался очень стройным, очень молодым, их поддержал оторвавший в очередной раз голову от тарелки Севид: «Танцуй, пока молодой». И пятидесятидвухлетний Комов, имитируя голос маленького Роди Газманова затянул фальцетом: «танцуй, пока молодой!» Веселье продолжалось.

Из «Золотого фонда» Севида: «Танцуй, пока молодой, пока не поздно».

***

В этой истории отсутствует неизменная тарелка Севида Сергеева. Ему с ней уже пришлось распрощаться до утра. Может быть, поэтому ему было не до шуток.

Итак, Севида оторвали от любимой посуды и понесли в палатку. Понесли, ибо самостоятельно передвигаться он уже не мог. В желудке булькала употреблённая в неимоверном количестве водка, сдобренная двумя большими чашками чая. Севид вдруг решил выпить чая, потому что хотелось выпить, а водка уже кончилась.

Его закинули как бревно в угол палатки, перебросив через мирно сопевшего Альбертика. Севид уснул, но через два часа выпитый чай постучался, он просился наружу. Он очень хотел выйти. Обычно Севид не мешал чай с водкой и спокойно спал до утра. Но тут он совершил роковую ошибку. Чай стучался изо всех сил и угрожал залить собой все внутренности палатки, включая спящего Альбертика. Севид нехотя раскрыл глаза – темнотища. Куда ползти, где выход? А-а, ноги там, Алик здесь, значит надо туда, где ноги. Севид пошевелился и с ужасом осознал, что тело не слушается его. Наверное, так было всякий раз после обильных возлияний, но он этого не замечал, ибо никогда не мешал чай с водкой. Севид перебрал в голове все возможные варианты. Кроме позора, был только один – попросить Альбертика помочь. Но тот на жалостливую просьбу Севида «Алик, отведи меня поссать» ответил неожиданно резко «Угу, разбежался» и повернулся в другую сторону досматривать сон. На дворе было холодно, и никто не желал высовывать нос из палатки.

Однако выпитый накануне чай упорно стремился выйти наружу. Терпеть больше Севид не мог. Он взмолился: «Аличек, ну я не могу сам!» Однако в ответ получил лишь короткое: «Отвянь, гнида». Бедного Севида оставили один на один с его чайными страданиями.

Но после второго пробуждения сон Алика стал более чутким и тревожным. Ему всё время снилось, что под ним растекается лужа, цвет которой даже ночью можно было легко угадать. Из угла временами доносились стенания Севида. Наконец, Алик к своему огромному облегчению услышал характерный звук расстёгиваемой молнии. Услышал и вздохнул с облегчением. Правда, палатка открылась подозрительно быстро, это Алик осознал даже сквозь сон. И тут его осенило – это была ширинка. Тут Алик проявил отменную реакцию. Так быстро он имитировал только покидание горящего танка во время срочной службы в бронетанковых войсках. За какие-то считанные секунды с криком «Севид, держись!» вытащил товарища за шкирку, и они оказались вне зоны поражения. Боеприпасы не успели сдетонировать. Отдышавшись, Алик прохрипел: «Действуй!» Впрочем, Севид не дожидался ничьего разрешения, в траве зажурчал характерный звук, а на освещённом Луной лице Севида замерла блаженная улыбка. Он был счастлив, а для себя извлёк один урок – нельзя мешать чай с водкой, пиво – можно, чай – нельзя.

Из «Золотого фонда» Севида: «Чай – не пиво, с водкой мешать нельзя!»

***

На следующий день Севид Сергеев водку с чаем не мешал, он твёрдо усвоил урок. И поскольку не было пива, наш герой пил только в чистом виде. Возлияниям предавался неумеренно, занюхивал рукавом, держа чистую тарелку про запас. Вскоре его лицо с ней воссоединилось. Из этого состояния был выведен менее активными участниками застолья и оттранспортирован ими в палатку к Альбертику. Нельзя сказать, что Севид был совсем пьян. Отнюдь, он всего лишь не полностью владел своим телом. Зато голова работала чётко. Он помнил, что пил, где и с кем. Даже в темноте мог определить, кто его несёт, даже умудрялся поддерживать светский разговор на тему бесконечности Вселенной и жизни на Марсе. И вообще, после бессчётного количества водки, выпитой из походных телескопических стаканчиков, Севид испытывал нечто вроде прилива чувств. Чувства были, как говорится, романтического свойства. Глядя на северное небо во время короткого путешествия в палатку Севид прошептал: «Какие высокие звёзды здесь, а Большая Медведица куда-то убежала. Эдик, куда убежала Большая Медведица?»

В этот момент Эдик вместе с двумя товарищами уже принялись раскачивать нетяжёлое тело Севида, дабы привычным, выверенным, движением отправить прямо на спальник; «Два-три, пааберегись!». Альбертик в страхе весь сжался,но тело опустилось в намеченную точку, и Эдик, выдохнув, ответил:

- Медведица убежала далеко, а вот росомаха может прийти. Ты не боишься, что может прийти росомаха?

В ответ Севид с явным сожалением в голосе произнёс:

- А вдруг она придёт не ко мне?

Из «Золотого фонда» Севида: «Даже росомаха может быть желанным гостем».

***

Некоторые ездят на охоту, чтобы охотиться, не всегда таких большинство. Порой выезд превращается в банальную пьянку, благо жён рядом нет. Но товарищи Севида Сергеева подходили к этому занятию серьёзно. Однако сам Севид принципиально не берёт в руки оружия. Стрелять по живому не в его правилах. Это удел других. Он охотник-аккомпаниатор, он только сопровождает стрелков. Сопровождать охотников до места можно, правда, выбор того, что является местом был всегда за Севидом.

В тот раз компания охотников имела очень плотный график. Вечером удачно постояли на вальдшнепа, а рано утром, задолго до рассвета, надо было идти на глухариный ток. Поэтому вечерних возлияний как таковых не было, чисто символически пропустили фронтовые сто грамм за сбитых птичек, закусили – и на боковую. Спать оставалось меньше двух часов. Эдик всех проинструктировал: «Мужики, надо ложиться, завтрашний ток нельзя пропускать, на воскресенье плохой прогноз!»

Когда в самый сладкий момент сновидений дружно зазвенели заведённые смартфоны, никого расталкивать не пришлось. К огромному удивлению Эдика не понадобилось будить и Севида. Однако удивлялся Эдик недолго. Побежав на кухню за чайником, он застал в столовой Севида в компании ещё одного «ретивого» охотника. На столе красовались две пустые бутылки, два полных стакана и, конечно, тарелка Севида. Судя по всему, на глухаря они уже сходили.

- А, Эдик, - радостно воскликнул Севид, - присоединяйся!

- Спасибо, мне как-то не с руки, - растерянно выдавил из себя Эдик, - я лучше чайку.

Напоить всю компанию одним чайником не удалось, поэтому через десять минут Эдик снова пробежал с чайником. Севид не понимал, зачем столько возни с чаем, когда есть водка? Он встал и произнёс грозным голосом Ивана Васильевича:

- Да ты, я вижу, не уймёшься!

Эдик вздрогнул, но нашёлся:

- Спасибо, что хоть не добавил «холоп», - Эдик ещё раз взглянул на Севида и робко спросил, - слушай, а ты же с нами специально на глухаря поехал.

- Так приехал же. А что, дальше машина не повезёт? – Севид еле ворочал языком, его глаза встретились с тарелкой и приникли к ней.

Из «Золотого фонда» Севида: «Язык до Киева, как говорится, доведёт, а вот машина даже до глухаря не доедет».

***

В северных охотах не всегда всё складывается гладко. Можно наткнуться на медведя-шатуна или встретить стаю голодных волков. И в том, и в другом случае шансов у человека мало. Но тем не менее, выжившие бывают, ведь кто-то рассказывает у костра эти страшные истории.

Наш друг Севид Сергеев таких историй наслушался немало. Кто только не нападал на людей, разве что только ёжик в тумане. А уж какой страшный зверь росомаха, говорят, даже медведь старается обойти её стороной. Севид слушал и ругал себя за то, что попёрся в эти дальние края несолоно, то есть не водки, хлебавши. Ведь дома она тоже есть.

Но увы, путь Севида лежал не в тёплую постель, а в палатку, он засыпал коротким и чутким сном алкоголика. Просыпался в холодном поту среди ночи от какого-то странного ощущения – казалось, что росомаха уже тут. Под палаткой раздавались какие-то звуки, кто-то ходит, шуршит, что-то потрескивает. В воспалённом мозгу Севида рождались картины одна страшней другой - росомаха подлезает под днище палатки и начинает рвать его, брезент трещит, но пока держится. Сколько ещё выдержит материал, сколько осталось Севиду на этом свете? Успеет ли покаяться он, грешник невоцерковленный? Треск внизу только усиливался, ещё немного и хищная рожа да когтистая лапа росомахи просунутся через порванный брезент. Тогда конец, в ужасе Севид будил беззаветно сопевшего Альбертика. Тот лениво поворачивался: «Ну что у тебя опять?» Севид подносил ладонь к уху и шептал: «Послушай, там кто-то есть». В ответ Алик разражался трёхэтажным матом и поворачивался спиной к Севиду. Его храп заглушал всё, усталый от ожидания смерти Севид засыпал, а наутро жаловался Эдику, тот только посмеивался: «А может, тебе снова поссать очень хотелось и снилось журчание фонтана?» Никто не понимал бедного Севида, а он мучился каждую ночь. И только когда пришло время сворачивать лагерь, Севид нашёл под своей палаткой сгрызенный на три четверти длинный XXL сникерс. Он вывалился у него из кармана, когда Севид расстилал свой походный домик. Вездесущие хомячки-лемминги не упустили своего шанса и каждую ночь, когда лагерь охотников затихал, они приходили и грызли дефицитное в тех краях лакомство, а бедный Севид сидел и с трепетом ждал своей смерти.

Из «Золотого фонда» Севида: «Даже хомячок может быть страшным зверем».

Из «Золотого фонда» Севида: «Ещё не пришло время разбрасывать сникерсы, особенно XXL».

***

В кои-то веки Севид и Эдик встретились не на охоте. В кои-то веки Севид не ронял голову в тарелку. В кои-то веки речь шла не о дичи и не о несчастных, порванных медведем-шатуном. Эдик, призвав на помощь всё своё искусство непревзойдённого рассказчика живописал поездку по Европе, завершившуюся в Брюсселе. Эдик долго рассказывал о великолепной, восхитительной центральной площади города, о гастрономических достоинствах бельгийской кухни, сдобренной неподражаемым монастырским пивом, об отзывчивости брюссельцев, всегда готовых прийти на помощь растерявшемуся туристу. Короче, Эдик был в восторге от Брюсселя и этот восторг он старался передать слушателям. Ведь Эдику мало было собственных впечатлений, как любой рассказчик он желал услышать ответную реакцию публики. И Эдик спросил Севида:

- А ты что думаешь о Брюсселе? Какое твоё мнение?

На что Севид, немного помолчав ответил:

- Я не думаю о Брюсселе, я думаю о маме.

- А что с мамой, заболела? – забеспокоился Эдик.

- Увы, наоборот, выздоровела, и искоро она приедет из летнего пансионата.

Такой ответ поставил Эдика в тупик, но, помолчав, он продолжил:

- Ну а мнение о Брюсселе у тебя есть? - настаивал Эдик.

- Мнение есть, - согласился Севид, - красиво, говоришь?

- Да, - недоумённо протянул Эдик.

- Отзывчивые, говоришь?

- Ну да.

- А негры брюссельские тоже отзывчивые?

После небольшой паузы, явно взвешивая «за» и «против», Эдик подтвердил:

- Тоже.

- И они не пытаются толкнуть тебе гашиш или хотя бы грошовые сувениры за десять евро?

Эдик упорствовал:

- Не пытаются!

- А писающий мальчик по-прежнему писает?

- По-прежнему, - заверил Эдик.

- Значит ему нассать на всё.

- Но он же памятник! - воскликнул Эдик.

- Ну и что? А туристы фотографируются на его фоне?

- Фотографируются!

- Значит, действительно, вся доброта в Брюсселе! – заключил Севид.

- Вот как? – опешил Эдик. – Вся? Почему?

- Только от большой доброты можно добровольно стать под струю писающего мальчика.

Из «Золотого фонда» Севида: «Не стой под струёй! (Такую вывеску Севид бы повесил около писающего мальчика)».

***

Сентябрьским утром 201Х года Севид Сергеев проснулся в палатке. Альбертика рядом не было, тарелки тоже. Севид сделал вывод: значит уже было утро. Но глаза открывать ужасно не хотелось, и в голову пришла спасительная мысль, а может сосед пошёл поссать? Но нет, чуткий слух охотника-аккомпаниатора уловил шевеление в лагере. Пора вставать. Протереть физиономию, стараясь ликвидировать следы вчерашнего веселья. Чистить зубы. Попить чая с бутербродами и приступать к своей главной миссии – эскортированию ослабленных после вечерней попойки охотников.

Севид на четвереньках вылез из ночного убежища: вовсю светило северное солнце, сияло отблесками света озеро, карельская природа была во всей предосенней красе. Севиду однако было не до красот. Неподалёку с дымящейся чашечкой неизменного утреннего кофе сидел Эдик:

- Ну как, Севид, ты готов к сегодняшнему броску на дальнее озеро?

При мысли о предстоящем походе застреляло в голове. Разрывными немецкими пулями «дум-дум» времён Первой мировой войны. Пересилив себя, Севид ответил:

- Почти, только зубы почистить надо, с грязными не получится.

Эдик благословил друга на такое дело. Севид, совершив самые необходимые утренние операции, встал в очередь к умывальнику. Было бы проще окунуться в озере, однако в нём не купались даже летом, и одна мысль о ледяной воде вызвала у Севида дрожь.

Но ополоснуть лицо нужно было, только вот полоскательница была занята товарищем по охоте – бывшим командиром подводной лодки на Северном флоте. Раздевшись до пояса, он обильно лил себе воду на спину и затылок, подставлял под струю лицо, фыркал от удовольствия, пускал изо рта фонтанчики. В общем, оттопыривался, как мог. А у бедного Севида по-прежнему в черепушке шла война с применением запрещённых Гаагской конвенцией боеприпасов.

Только бывший подводник и не думал завершать водные процедуры, он перешёл к чистке ослепительно белых как у артиста зубов. Освежившийся, довольный он тщательно вычищал самые дальние уголки челюсти и подмигивал при этом Севиду, мол, смотри, как здорово!

Уставший ждать Севид с простреленной навылет головой, наконец, не выдержал и попробовал поторопить товарища:

- Лёха, а ты не можешь побыстрее? Ты же подводник, ты должен чистить зубы винтами!

- Может, я ещё на охоту с торпедой ходить должен? – обиженно пробурчал Лёха.

- Можно и с торпедой, - простонал Севид, - только не с пулями «дум-дум».

Из «Золотого фонда» Севида: «На каждого подводника есть зуб с винтом».

***

Всё в жизни бывает в первый раз. Вот и Севид впервые поехал на базу, с недавнего времени облюбованную друзьями-охотниками. Принимала хозяйка по имени Валентина, она же готовила, занималась посудой и топила печь. Ни к чему претензий не было, ни к размещению, ни к еде, ни к минимальному уровню комфорта, который тоже хочется обрести после шатаний по лесным буеракам и стояний на вечерних зорьках. Почти всегда в компании появлялись новые лица. Севид, вернувшийся после некоторого перерыва к своим обязанности охотника-аккомпаниатора, наконец оказался в хозяйстве Валентины и был ей представлен:

- Валентина, - подозвал хозяйку Эдик, - знакомься, это Севид, Севид Сергеев.

- Ага, поняла, -кивнула Валентина и что-то пробубнила про себя.

Тратить время на подробное знакомство никто не хотел, ибо закуски уже были на столе. Первая рюмка, вторая, третья, до четвёртой Севид добрался раньше всех, и Валентина только успевала подавать новые блюда.

- Сив.., - Валентина запнулась, она явно запамятовала имя и запуталась в фамилии нашего героя, наконец, после некоторой паузы она выдала, - Сивый, попробуйте вот этих грибочков. Тут вся столовая грохнула.

- Мерин, - добавил Севид, у него всё в порядке было с чувством юмора.

Не Сивый, а Севид, - поправил хозяйку Эдик, - Севид.

- Хорошо, Севид, - исправилась Валентина.

Но минут через десять, она опять переврала его имя:

- Совид…

Она не успела продолжить – зал опять взорвался от смеха.

- Филинид, - едва смог выговорить задыхавшийся Эдик, а Валентина покраснела как рак и ещё раз переспросила как зовут гостя, - Филинид, - продолжид Эдик, - попробуй аппетитных мышек!

Севиду в этот раз шутки понравились меньше.

До шестой-седьмой дошли не все, лишь самые стойкие, в их числе, конечно, был Севид. Но и он начал всё больше клониться к тарелке. Обеспокоенная состоянием некоторых охотников Валентина подошла к Эдику и попробовала предостеречь его:

- Эдик, этот ваш Сви…, ну как его, Свинт?

- Севид? – подсказал Эдик.

- Он самый, может хватит ему, а то завтра нехорошо будет.

Но Эдику самому уже было хорошо, и он не обратил внимания на предупреждение.

Наутро, когда Эдик пошёл умываться, его перехватила Валентина.

- Эдик, этот ваш Совид, нет Свинид…

- Ну что, - встревожился Эдик

- Так и уснул в тарелке, потом сполз под стул, до сих пор там лежит и похрюкивает во сне. Свинид, он и есть Свинид.

С тех пор Севид не очень любит, когда хозяйки баз называют его по имени. Он представляется коротко: Сергеев.

Из «Золотого фонда» Севида: «Имена мы не выбираем, но иногда заслуживаем».

***

В одном из любимых кинофильмов Севида «В августе сорок четвёртого» кодовая фраза «бабушка приехала» означала то, что немецкие диверсанты взяты с поличным. В жизни Севида Сергеева это словосочетание приобрело несколько другой смысл.

У Севида очень болела мама. Старость, мама стала забывать некоторые вещи, бояться того, чего не надо бояться и наоборот, была слишком бесстрашной и бесцеремонной там, где надо было бы поостеречься или промолчать. Севид переводил внимание мамы на телевизор, самое важное из искусств отвлекало её от воспитания сына, который уже давно разменял не только первую, но и вторую молодость. И всё же Севид очень любил свою маму. Поэтому каждое лето он отправлял её с глаз подальше, видимо, чтобы меньше расстраиваться. Что может быть лучше для мамы, чем пансионат для престарелых? Там она не будет постоянно его тянуть за рукав, чтобы открыть сыну глаза на жену, которая хочет её убить, и не сядет посреди ночи на супружескую кровать спрашивать который час. А ещё при маме нужно всегда вести трезвый образ жизни, это являлось самым большим затруднением. Мама не любила, когда Севид выпивал и сразу начинала читать ему лекции о вреде алкоголя. В свои пятьдесят с лишним Севид и так всё знал, но сделать с собой ничего не мог.

Приближалось время очередного возвращения мамы из пансионата. Ввиду отсутствия у Севида автомобиля (по принципиальным соображениям – как пить, если надо садиться за руль?) маму всегда привозил знакомый таксист. В такие дни Севид особенно жалел о том, что пансионат не круглогодичный. Ведь он, как внимательный сын, всегда бы навещал её, привозил бы её любимые конфеты «раковые шейки» и медовые пряники. Но нет назавтра мама заявится, и опять надо будет дома вести трезвый образ жизни. Поэтому Севид откупорил литруху «Джонни Уокера», жена приготовила закуски и красиво накрыла на стол. Она иногда любила составить компанию мужу, особенно накануне возвращения свекрови, снимала стресс. Выпивка с закуской смотрелись шикарно: красная бутылка и красная икра, красная рыба и тёмно-кровавая колбаса на фоне белой льняной скатерти и дежурной чистой тарелки. Севид наполнил на четверть фирменные стаканы «Джонни Уокер», супруги чокнулись и… услышали какую-то непонятную возню в прихожей. Их руки застыли. На лицах было написано недоумение, виски не успело приятно согреть их изнутри. Севид, предчувствуя самое худшее, лишь успел крикнуть «кто там», как из-за двери комнаты раздался довольный возглас «бабушка приехала!».

Бабушке надоело в пансионате без, как она выражалась, «детей», и бабушка приехала, на день раньше.

Из «Золотого фонда» Севида: «Виски можно пить в любом возрасте, главное, чтобы не приехала бабушка».

***

Севиду Сергееву не чуждо научное мышление. Порой он даже способен сделать небольшие открытия. А порой так и вовсе революционные.

Вот к примеру, все знают, что существуют в животном мире рукокрылые, кишечнополостные, членистоногие, ластоногие, есть ещё понятие головогрудь. Но это известно всем, ну или почти всем. Севид же знает гораздо больше.

Итак, очередная успешная вылазка с базы за дичью увенчалась успехом, и довольные охотники не преминули отметить это дело. Не остался в стороне и охотник-аккомпаниатор Севид Сергеев со своей извечной тарелкой. Правда, на момент интересующего нас действия он ещё не водрузил в неё своё лицо. Напротив, группа самых стойких, к которой по традиции принадлежал Севид, решила устроить обход спальных помещений, дабы проверить как спится товарищам по оружию.

Проверили – всё в порядке, находившиеся за день с тяжёлой амуницией боевые друзья дружно похрапывали, и лишь в последней комнате, где пока было занято лишь одно место – там должен был почивать член коллектива по фамилии Молюшков. стояла подозрительная тишина. Заинтригованные внезапным отсутствием храпа, стойкие вошли в комнату. Быстро адаптировавшимся к полумраку глазам предстало необычное зрелище. На кровати лежало что-то и не храпело.

- Да человек ли это? – засомневался Эдик. Ну как может мужик после 300-400 граммов не храпеть?

Действительно, накинутое на непонятный объект одеяло скрывало основную часть тела, и замутнённый алкоголем взгляд самых стойких вырвал из картины только торчавшие от колен ноги и голову, уткнувшуюся носом в подушку. Только ноги и голова – вот что видели вошедшие в комнату. От страха самые слабонервные даже слегка отпрянули, откатились в сторону двери. И лишь Севид сохранил присутствие духа и громко, тобы все услышали, произнёс: «Да это точно не человек, это головоног, Головоног Молюсков».

С тех пор за охотником Молюшковым прочно закрепилось прозвище головоног Молюсков. А Севид всем говорил, то он совершил научное открытие. Открыл самого крупного головоногого. Правда, Академия наук головонога Молюскова в классификацию типов, групп, отрядов и видов животного мира пока не включила. Академики, как известно, очень консервативны.

Из «Золотого фонда» Севида: «Главное – не ошибиться с видом представителя фауны, особенно, когда его встречаешь».

***

Молюшкову очень не нравилось его прозвище Головоног. На каждой охотничьей вечеринке, изрядно поднабравшись, он начинал просить Эдика не называть его больше так. А друзья-товарищи, как назло, именно в состоянии подпития злоупотребляли этим словом «Смотрите, наш Головоног-то не промах, пьёт, пьёт и не пьянеет!»

- Это потому что головоноги водку как воду через жабры пропускают. Только зря переводят продукт, - заметил Севид.

Молюшков очень расстраивался от таких речей и пил ещё больше. Напрасно Эдик его успокаивал:

- Ну что в этом плохого? Подумаешь, головоног! У тебя фамилия такая. Она к этому располагает, послушай: Молюшков. Наверное, изначально она и звучала Моллюсков, а потом какой-нибудь неграмотный писарь взял да и написал с ошибкой. Он ведь слова «моллюск» мог не знать, а моллюски, кстати, относятся к головоногим, я в интернете прочитал.

Так и не удавалось Молюшкову отвязаться от неприятного прозвища. Но однажды оно исчезло само собой.

На охоте женщина, как известно, редкий гость. Ну а в компании друзей-охотников их вообще не имелось. «Баба на охоте, как на корабле, - любил повторять Эдик, - к беде». И, действительно, бед и серьёзных происшествий в этом охотничьем коллективе пока не случалось. Причиной тому было ли отсутствие женского пола или что другое – неизвестно. Но факт есть факт.

Отсутствие дам позволяло мужчинам не стесняться, и вот однажды в один сентябрьский денёк, когда солнце припекало совсем по-летнему, Молюшков решил искупаться. Раздевшись догола, он гордо проследовал мимо дежуривших по кухне Севида с Альбертиком.

Провожая завистливым взглядом ещё сохранившую остатки былого спортивного аллюра фигуру Молюшкова, Альбертик глубокомысленно произнёс:

- Предлагаю Головонога повысить в звании и произвести в Членистонога.

На что Севид, поразмышляв с минуту, ответил:

- Да такими темпами он до человека скоро дорастёт, рекордсмен эволюции!

Из «Золотого фонда» Севида: «Эволюция – вещь непредсказуемая, напьёшься – и уже головоног».